

ДЕМОНТАЖ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. ВОРОПАЕВ

Несмотря на то, что перспективы того, что Россия будет полностью интегрирована в правовое поле ЕЭС, в нынешней геополитической ситуации становятся призрачными, тем не менее, принципы, заложенные проектом МБРР (IBRD-IDA) «Education Reform Project» №P050474 (пусть и завершённым) и целым рядом других международных документов, продолжают прилежно исполняться.

Совершенно очевидно, что традиционная система образования, как и педагогическое знание, сложившиеся ещё в СССР и пережившие «перестройку», уходят в небытие.

Данная статья посвящена обсуждению тезиса о значении этих локальных для мировой истории событий в контексте соотношения процессов глобализации и выживаемости национальных систем образования.

Официальная позиция государственных органов Российской Федерации по поводу реформирования образования достаточно проста: реформы направлены на формирование творческого, свободного человека, гражданина правового государства и призваны покончить с авторитарным образованием и ущербной советской и постсоветской педагогической наукой. Учитывая, что реформа прямо касается жизненных интересов большей части социальных групп населения,

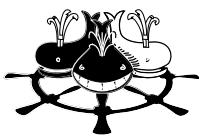
она вызвала достаточно ожесточённую и более чем эмоциональную критику. В рамках этой критики, её оценки, естественно, были совершенно другими, нежели в официальной версии. Большая часть из них сводилась к тому, что образование не реформируется, а полностью разрушается. Прозвучавшая (и звучащая до сих пор) критика ни на миллиметр не остановила темп реализации реформы.

Конечно, социальный институт, тем более такой масштабный, как институт образования, испытывает на себе влияние огромного количества факторов, ряд которых могут поспорить по весомости с государственной властью. Среди них, например, anomия, связанная с кризисом, вызванным поиском новой государственной идеологии, фактическая победа массовой культуры, поддержанная маркетингом транснациональных корпораций, доминирование на экранах продукции Голливуда и многое другое. Да и цели самого государства не настолько очевидны. Например, настоятельные интенции федеральных органов к общественным партнёрам школы, к бизнесу, к повышению роли муниципальных органов (и муниципальных бюджетов) явно демонстрируют стремление в перспективе сократить участие федеральных средств в общем образовании. Даже комплексное междисциплинарное исследо-

5

М.В. Воропаев
Демонтаж российского
образования
5—11

вание вряд ли способно охватить все стороны развития системы образования. Поэтому мы остановимся на некоторых ключевых, на наш взгляд, аспектах.

Если дистанцироваться от политизированного и напряжённого дискуссионного поля, окружающего реформу образования, то можно выделить несколько тезисов, описывающих факты, к которым свелась реформа образования (вне зависимости от того, закреплены ли они в нормативных документах как её цели):

1. Внедрение в институт образования экономических механизмов: изменение системы финансирования, введение экономических задач в число других целей деятельности образовательных организаций, перестройка нормативной базы управления образованием на основе идеологии управления качеством (ФГОС, ЕГЭ, ИГА) и пр.
2. Формирование на основе старых образовательных организаций (школ, детских садов и пр.) новых, гораздо более крупных организаций.
3. Замена языка образования: начиная от языка научной педагогики вплоть до языка нормативных документов.

В число этих результатов мы осознанно не включили того, о чём регулярно отчитывается Минобрнауки — повышение качества образования. Никто не спорит, что формирование конвергентного мышления, универсальных учебных действий как самостоятельная задача, стоящая перед каждым учителем, это прекрасно. Как и то, что борьба за честную и справедливую оценку учебных достижений учащихся в насквозь коррумпированном социуме — это хорошо (хотя здесь со мной многие не согласятся). И очень много успешных школ и творческих учителей, которым действительно есть чем гордиться. Но всё же официальная статистика вызывает сомнения, и даже в PISA участников выборки не спрашивают, сколько с ними занимаются бабушки, родители и репетиторы.

Известно, что в России 90-х гг. XX в. был внедрён самый рыночный из всех рыночных вариантов экономики. Хотя в современном мире это невозможно, но внедрение состоя-

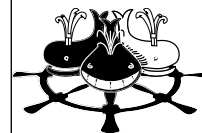
лось. Не удивительно, что образование оказалось втянуто в сферу экономики, и экономические критерии оказались одними из важнейших в ряду других критериев деятельности образовательных учреждений.

В науке известно понятие «экономический империализм» — экспансия экономических методов в сопредельные гуманитарные науки. Отечественная педагогика — пример отрасли знания, где такая экспансия состоялась. Но не следует путать экономические идеи, которые используются в реформировании образовании в России, и экономическую теорию (точнее, *economics* — развитую социальную науку, с огромным количеством направлений). Это примерно то же, что приравнять систему научных взглядов Карла Маркса к взглядам комиссара, направленных на раскулачивание «классового врага».

Одной из центральных идей, на которых основана реформа образования в России — это идея обеспечения качества образования, и связанные с ней идеи операционализации и стандартизации.

Методология обеспечения качества образования соотносится (достаточно неочевидно) со стандартами ISO, и ещё более неочевидно с моделями всеобщего менеджмента на основе качества (TQM). Так как мы рассматриваем их как «первоисточник для первоисточников» педагогических концепций качества образования, то имеет смысл остановиться на них подробнее.

Наиболее общие положения всеобщего менеджмента на основе качества сводятся к тому, что фирма должна постоянно и одновременно добиваться усовершенствования трёх составляющих: качества продукции, качества организации процессов, уровня квалификации персонала. В своём классическом варианте TQM включает два механизма: контроль качества и его постоянное повышение. Стандарты ISO во многом опираются на те же механизмы, но более технологичны, более статичны, не предусматривают вовлечения в процессы поддержания качества всех сотрудников. Напомним, что стандарты ISO 9001 — многоуровневые детализированные документы, включающие описание как общих принципов, так и должностных инструкций

сотрудников, отвечающих за контроль качества. Эти стандарты рассчитаны на нивелирование специфики корпоративных культур, экономической среды, институциональных особенностей — это стандарты глобализации. Не случайно эти стандарты стали политизированным инструментом европейской интеграции. И организация вынуждена им следовать, если хочет сохранить свои позиции на рынке.

Знаковым событием для подготовки педагогического сообщества к грядущим реформам сыграла очень вовремя переведённая с финского книга Т. Санталайнен, Э. Воутилайнен, П. Поренне, Й.Х. Ниссинен [6], посвящённая управлению по результатам. Усилиями целого ряда отечественных учёных-педагогов научный подход, отвергающий любые цели управления, кроме операционализируемых, стал *credo* современных российских стандартов общего образования. Все результаты, на которые ориентирована школа, в том числе и результаты воспитания личности, должны быть однозначно измерены и составлен проект (план) их пошагового достижения. Так как среди авторов стандарта, видимо, ещё оставались профессионально грамотные люди, знающие о том, что в масштабах территориально распределённой системы, размером со страну, невозможно измерить «личностные результаты», они стыдливо делегировали эту миссию на уровень школы (как и почти всё остальное).

Объективная нереализуемость стандарта ввергает школу в критическую организационную патологию (по А.И. Пригожину, причина устойчивого целенедостижения организации [4, с. 96]). Ниже мы покажем, что другие факторы ещё более усиливают её действие.

Следующий по важности концепт реформирования — **метафора инновационности образования**.

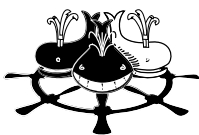
Тезис об инновационности образования самый невнятный, самый расплывчатый из обоймы идеологических основ реформирования отечественной системы образования. Мы имеем в виду не проблему внедрения инноваций в образовании, которая является вполне научной, а именно метафору «инновационности» в большинстве официальных

документов, посвящённых образованию. Если в коммерческой организации цели Quality Improvements (QI) — улучшения качества — совершенно очевидны, то в современной российской образовательной организации инновационность превратилась в самоцель: «Неважно, лучше или хуже, главное — иначе!». В инструктивных письмах Минобрнауки практически не встречается логическая конструкция: «инновация, направленная на...». Инновационность в образовании превращается в бесконечный бег без цели. В данной статье используем для его обозначения неологизм «инновирование», некоторое время назад широко использовавшийся в системе Московского департамента образования.

Может показаться, что «инновирование» направлено на идеологическую зачистку остатков советского наследия, но представляется, что его эффекты гораздо шире и глубже. Прямым следствием «инновирования» является **дестабилизация любой устойчивой структуры** в образовательной организации. Психика человека не может существовать в мире, где отсутствуют устойчивые структуры, тем более психика ребёнка. В художественной фантастике авторы создавали образы мира одноцветных вещей, и это были очень мрачные картины. Но только у Министерства образования и науки РФ хватило креативности, чтобы взять курс на создание мира одноцветных организаций.

Простота и изящество, с помощью которого власть в лице Министерства образования решила задачу изоляции традиционных для образования экспертных сообществ от механизмов разработки политики и принятия решений, и тем самым закрепило **полную замену педагогического языка для образования**, покоряет. Не потребовалось ни репрессий, ни даже изменения финансирования (хотя последнее, несомненно, имело место). В отличие от мрачного советского тоталитаризма, который закреплял нормативно только идеологию, в современном государственном образовательном стандарте нормативно закреплён единственный научный подход — «системно-деятельностный». Одним предложением вся научная

педагогика и психология была выведена с игрового поля «образование». На нём остался очень узкий круг носителей сакрального знания, и никого не смутило, что подход (подозрительно похожий на традиционно существующие) оказался практически без научной школы, и даже без текстов, в которых основатели рассказывали, что это такое (за исключением нескольких статей в журналах и фрагментов монографий). Впрочем, волна публикаций, в том числе докторских исследований, по теме «какой хороший системно-деятельностный подход» всё увеличивается, и скорее всего интрига с его таинственным смыслом будет решена.

Укрупнение школ — самое очевидное, в отличие от «инновирования», явление в реформировании, и в то же время самое загадочное по своим целям и по своим истокам. Никто не знает имена тех интеллектуалов, кто предложил власти этот путь. И никого не останавливает, что в мире трудно найти аналогичные примеры укрупнения, и что ещё относительно свежи воспоминания о последствиях увлечения укрупнением в советскую эпоху.

Для обывателя объяснение укрупнения очень простое: «сократят трёх директоров» — оставят вместо него одного. Начальство в России не любят, так что цель вполне благородна. Однако бывшие директора остаются заместителями нового директора, да и руководитель холдинга получает совершенно другую зарплату.

В изложении руководителя Московского департамента образования И.И. Калины, который, видимо, ближе всех смог приблизиться к тому идеальному результату, на который ориентируется Минобрнауки, причины укрупнения сводятся к следующим тезисам:

- педагог должен управлять педагогической единицей;
- образовательная организация — это не педагогическая единица, а единица бюджетная;
- бюджетной единицей должен управлять руководитель-менеджер;
- так как хороший руководитель-менеджер вместе с командой должен получать очень хорошую зарплату, то лучше объединять много школ [5].

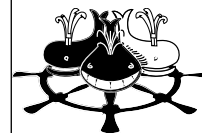
Из приведённых рассуждений вроде бы следует, что руководители холдингов будут заниматься только деньгами, и никак не вмешиваться в педагогическую деятельность. Уставы образовательных холдингов (что вполне логично) возлагают на руководителей всю полноту ответственности за все результаты деятельности образовательной организации и предоставляют им все необходимые полномочия. Да и вряд ли возможно управлять деньгами, не управляя организацией.

Что же тогда является реальным результатом укрупнения школ? Уничтожение традиционных организационных структур, традиционных систем отношений, традиционных укладов, традиционных корпоративных культур. Зачем? Можно только догадываться...

Догадки такого рода уже давно озвучиваются. Отечественные учёные, идеологически поддерживающие реформы, уверенно высказываются о необходимости уничтожения школы в современном виде: «Институт школы до сих пор во многом является тем «дисциплинарным институтом», социальный проект которого был задуман и реализован ещё в середине XVIII в. ... и сегодня мы находимся перед лицом неэффективной социальной «псевдоформы», т.е. в ситуации, когда прежний исторический прототип уже невозможен, а нового прототипа организации школы как современного социального института не создано...» [3, с. 61].

Сама идея вовлечения школы в рыночные отношения не нова, как и её частный вариант с подушевым финансированием. Она имеет и многочисленные аргументы «за» и не менее многочисленные аргументы «против». Хочется обратить внимание на другое.

Во-первых, на многократно описанный в научной и художественной литературе (и прочно ныне забытый) феномен отчуждения человека в капиталистическом обществе. Стоимость — универсальный заместитель всех ценностей. Чем ближе она стоит к этическим и эстетическим ценностям, тем сильнее они размываются. И чем больше мы впускаем в школу рынок, тем меньше там остаётся воспитания.

Во-вторых, рынки бывают разные. А. Бузгалин, А. Колганов описывают S-рынки. В современном мире интенсивно развивается так называемый превратный сектор капитала — такие сферы, как финансовые спекуляции, масс-культура и вызывающее пресыщение сверх-развитие утилитарного потребления, политическое и духовное манипулирование человеком и т. п. Все они рожают особый мир симулятивного, призрачного, рождающего наваждения. Каждая из этих сфер полна симулякрами. Финансовые спекуляции на мировых рынках валют и т. п. симулируют реальные инвестиции в развитие материального производства или культуры. Маркетинг создаёт симулякры полезных человеку благ и действительных потребностей. Это бытие «наведено» на людей капиталом так, как злой колдун наводит морок. В результате этого у людей формируются «наведённые» потребности — «оторваться с Фантой», «запепсовать мегахит». В ряду подобных S-товаров присутствуют и образовательные услуги. С. Бузгалин и А. Колганов пишут о человеке-бренде, о человеке-симулякре, которые вполне могут выступать ориентиром для субъекта приобретающего образовательные услуги [1]. Несложно сделать достаточно очевидный логический вывод: сущность образовательной услуги заключается в том, что она легко превращается в S-товар, и в её цене может присутствовать некая превратная форма, создающая видимость высокой стоимости данного феномена, но при этом скрывающая действительное содержание — целенаправленное, осуществляемое нерыночными методами манипулятивное, сознательного воздействия на человека, общество и экономику.

Симулятивный по своей природе рынок образовательных услуг способствует **проникновению симуляций и в сферу педагогического знания.**

В настоящее время усиливается тенденция к секвестированию и размыванию естественно-научной ипостаси педагогики и гипертрофированному разрастанию её мистической и легитимационной составляющей. Кроме того, стремительный рост объёма научно-педагогических текстов, в сочетании с изъянами коммуникации в рамках научного сообщества

объективно осложняет (если не сказать ещё жёстче — делает невозможной) структурное упорядочение научно-педагогического знания. Имеют место и прогрессирующие затруднения с верификацией в области научно-педагогического знания.

Симуляция — понятие, фиксирующее феномен тотальной семиотизации бытия, вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности. Симулякр — термин, специально придуманный для ситуации, когда понятие в принципе не может быть соотнесено с неким объектом, т.е. теряет значение, переставая быть понятием, сохраняя при этом способность выступать основой коммуникации.

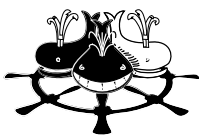
Симулякры заботятся о своём существовании, выстраивая запреты и ограничения. Симулякр, попадая в нормативный документ, оказывается на острие «инновирования», и социальная реальность деформируется под воздействием властных механизмов. Мало ли, что нельзя измерить личностные результаты — уже несколько лет вся начальная школа успешно их измеряет и не менее успешно отчитывается.

Расплата за господство симулякров ужасна, особенно в образовании — это не просто определённые недостатки или сбои в процессах, это размывание самой школьной реальности. Современная «образовательная» бюрократия уничтожает «первородную» естественную, онтологическую реальность воспитания и населяет её симулякрами, которые похожи на свои прототипы — педагогические подходы и теории, но таковыми не являются.

Симулякр скрывает абсурд. А постперестроечная педагогика России — это педагогика абсурда¹. Очевидно, что в период крупных социальных сдвигов реформирование и инновации в обществе рожают непонимание и ощущение абсурдности у многих

¹ В рамках данной статьи абсурд понимается как феномен, связанный со сложностью, или невозможность интерпретировать высказывание, события, явление в рамках определенной семиотической системы. Существует и абсурд, который в принципе невозможно интерпретировать ни в одной семиотической системе.

слоёв населения. Когда-то многие учителя гимназий были шокированы аббревиатурой ШКРАБ и дальтон-планом, хотя почти наверняка были педагоги, которые восприняли новшества с энтузиазмом, как возможность личной самореализации.

Абсурд рождается при столкновении теоретических конструкций «старого» и «нового» формата. На уровне нормативных документов федерального уровня сосуществуют рядом «конкуренетоспособность личности» и «гуманистическая ориентированность системы образования».

Уже много лет, как насмешка над здравым смыслом, «живёт» принятое отечественным педагогическим сообществом понятие «безопасная личность».

Абсурд рождается на границе естественно-научной ипостаси педагогики и её мистической части. Хотя по большому счёту, духовность как некое трансцендентное измерение человека («по христианскому догмату — «искру божью») в принципе нельзя оценить эмпирически, тем не менее, в текстах встречается словосочетание «духовная компетентность».

На этом можно было бы завершить изложение, если бы не одно важное обстоятельство: абсурд может выступать и выступает как технология. Технология мощная и деструктивная. Если огромная армия профессионалов не понимает что происходит, то это разрушает их жизнь. Причём не только профессиональную, но и личную. Боги знали, как проклясть Сизифа. «Удерживание» восприятия абсурда, и сохранение при этом своего «Я» — тяжёлое бремя для человека.

Наиболее лично сильные учителя сопротивляются, кто-то уходит, кто-то внешне приспосабливается, но большая часть людей ломается и превращается в один из идеалов реформы образования — менеджеров по реализации образовательных услуг. Данная среда начинает порождать людей, которые не только хорошо адаптируются к описанным «нечеловеческим» условиям, но и становятся носителями соответствующих антиценностей. Такая среда создаёт благоприятные социальные фильтры для движения вверх по административной лестнице лиц с отрицательной духовностью.

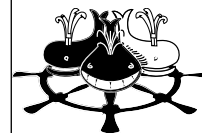
Если во главе образовательного учреждения (или территориальной системы) станет пассивный-разрушитель, то ему вполне по силам переориентировать воспитание с социального на антисоциальное.

Социальные институты, особенно такие как образование, имеют значительную, хотя и не бесконечную, силу инерции. Школа укоренена в отечественной культурно-исторической традиции. Система школьных символов пронизывает жизнь каждой семьи. Среди большого перечня функций школы одна из важнейших — обеспечение социального контроля за учащимися. Можно предположить, что если школа как базовое звено в системе непрерывного воспитания и обучения исчезнет — криминализация нашего общества геометрически возрастет. Радикальное реформирование и тем более замена школы как культурно-исторического института приведут к не менее радикальному изменению общества. И вряд ли это общество будет лучше, чем нынешнее.

Фактический, а не декларируемый смысл реформы образования в России — полный **демонтаж всего традиционного социально-го института образования**, начиная с организационных форм и кончая теоретическим и практическим уровнями педагогического знания, при совершенно абсурдных, симулятивных проектах нового образования.

Колокол, возвещающий похороны традиционного образования в России, на самом деле звучит по всем традиционным национальным системам образования. Только прислушивается к нему исключительно средний класс. Элита учит своих детей совершенно в других местах, а остальное население соразмеряет будущее своих детей с рекламой и телешоу. Пока продолжает сопротивляться русская провинция, бабушки и дедушки, сидя с внуками, в ужасе пытаются спасти детей от «нашей новой школы».

Хоронится не только образование — уходит в небытие семья с нормальными отношениями между детьми и родителями, церковь, в которой мужеложество считалось смертным грехом, шекспировские герои уступают место эпатажному перформансу. Уходит весь мир, который средний класс наивно считал нормальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузгалин А., Колганов А.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // *Альтернативы.* № 2, 2012. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativ/a2-2012/15619-rynok-simulyakrov-vzglyad-skvoz-prizmu-klassicheskoy-politicheskoy-ekonomii.html> (дата обращения 01.12.2014).
2. *Воропаев М.В.* Организационные патологии и пределы идентичности школы как культурно-исторической формы // *Непрерывное образование: XXI век.* Выпуск 1 (5), <http://lll21.petrso.ru/journal/getpdf.php?id=2268> (дата обращения: 07.12.2014)
3. *Попов А.А.* Социально-антропологические основания практик современного образования // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2008. № 314. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-antropologicheskie-osnovaniya-praktik-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 07.02.2014).
4. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. — М., МЦФЭР, 2003. — 864 с.
5. *Рейтер С.* Москва — это не сельская школа: Интервью с И. Калиной/ РБК. URL: <http://daily.rbc.ru/ins/society/11/11/2014/546213a7cbb20f7b38b392f7> (Дата обращения 01.12.2014).
6. Управление по результатам: Пер. с фин. / Тимо Санталайнен, Эро **Воутилайнен**, Пертти Поренне, Йоуко Х. Ниссинен; Общ. ред. и предисл. Я.А. Лейманна. — М.: Прогресс: Универс, 1993. — 318,[1] с.

